

Играющая на фоне музыка внезапно оборвалась. Вместе с тем откуда-то со стороны рояля донеслись прерывистые, полные грусти ноты.

Снующие туда-сюда люди в растерянности повернулись на звук.

За инструментом сидел мужчина в строгом черном костюме по фигуре, сидел прямо, с красивой и безупречно сшитой посадкой пиджака. Со спины он казался чуть худоватым, лицо скрывала медицинская маска, но по линии подбородка угадывались очень утонченные черты. Черные пряди падали на уши, чуть покачиваясь в такт движениям. Его руки — белые и длинные — выглядели невероятно притягательно.

Мелодия словно обладала собственной малкою: под пальцами юноши каждый звук будто оживал, певучий перелив ласкал слух и трогал до глубины души. Толпа с бокалами в руках замерла на месте, во все глаза глядя на спину незнакомца и молча наслаждаясь этой незнакомой композицией, от которой на душе само собой становилось радостно.

И лишь Цзи Вэнь на мгновение окаменела, а ее глаза, подведенные винно-красными тенями, расширились от ужаса.

Музыка постепенно приближалась к своей кульминации, а Гу Цзыси тем временем виртуозно перебирал клавиши. Цяо Сюй с заметным интересом разглядывал со спины пианиста в маске, наблюдая, как его гибкие пальцы уверенно берут октавы — снизу вверх, сверху вниз. Аккорды звучали мощно и страстно, быстрое аллегро несло, словно горный ручей, неумолимо подталкивая мелодию к высшей точке. Подобная техника игры считалась непревзойденной как в стране, так и во всем мире. Раньше он не слышал этой вещи, и теперь у него разгорелся сильнейший интерес к исполнителю — ему жутко захотелось сорвать с него маску и приоткрыть завесу тайны.

Кулаки Цзи Вэнь сжались с такой силой, что побелели костяшки. Эту пьесу трудно было назвать просто страстным вызовом судьбе; скорее, это был крик человека, внешне казавшегося безмятежным, но бросающего вызов року — отчаянный и несгибаемый крик. Она знала эту мелодию — именно ее играла та самая Лу Шуан, которую она убила прошлой ночью! Лицо Цзи Вэнь стремительно бледнело, в голове зашумело, мир поплыл перед глазами, и стоявший рядом агент поддержала ее за локоть со словами: Не стоит так фанатично худеть.

Дрожащими губами она смотрела на спину музицирующего мужчины, а в голове вихрем проносились догадки: неужели это друг Лу Шуан? Или... ее призрак? Да жива вообще Лу Шуан или нет?! Бесчисленные вопросы давили на нее непосильным грузом, ноги подкосились, грозя рухнуть на пол.

Неужели... он пришел по ее душу? Эту музыку больше никто не слышал! Кто же сейчас перед ней! И какова его цель?

Сама того не заметив, Цзи Вэнь в прохладе кондиционированного зала покрылась холодным потом.

Гу Цзыси с закрытыми глазами взял последнюю ноту, плавно поднялся с банкетки и, взяв заготовленный микрофон с функцией изменения голоса, произнес: Эта композиция называется Девять часов девятнадцать минут, я посвящаю ее одной прекрасной девушке и прекрасному вечеру.

Стоило ему произнести эти слова с тайным подтекстом, как по залу прокатилась буря аплодисментов. И только Цзи Вэнь, услышав про девять часов девятнадцать минут, истощно

завопила: Призрак! Призрак! На помощь!

Столь неприглядная истерика глубоко разочаровала ее агента, вокруг зашептались, тыча пальцами, а Цзи Вэнь горько заплакала.

Гу Цзыси под маской презрительно скривил губы в усмешке. Свет в зале погас, и он мгновенно растворился в темноте, покинув отель. Спустя полминуты освещение включилось снова — таинственный пианист исчез, а Цзи Вэнь по-прежнему сидела в слезах, охваченная иступлением.

Цяо Сюй со смутной задумчивостью посмотрел на белоснежный рояль, а затем на рыдающую Цзи Вэнь: Интересно.

Выбравшись из отеля, Гу Цзыси тут же сорвал маску, переоделся в ближайшем общественном туалете и натянул парик. Украдкой выскользнув из мужской уборной, он поймал такси.

Отличная работа! — обратился к нему Линшу. — Напугал эту двуличную зеленую чайку до смерти!

Гу Цзыси хмыкнул, все еще не привыкший к столь тесным женским джинсам, и ответил Линшу: Это мощное психологическое давление. Раз уж она угрожала Лу Шуан, то теперь я заставлю ее дрожать от страха и не знать ни единого спокойного дня, пусть сама испытает каково это — жить в постоянном ужасе.

Выйдя из машины, Гу Цзыси вошел через главные ворота Клана Цяо. Всю дорогу он чувствовал себя крайне неловко, ему казалось, что он вовсе не похож на девушку и его могут разоблачить в любую секунду. К счастью, охрана отлично знала лицо Лу Шуан, да и при жизни та не отличалась болтливостью, так что всеобщее молчание не вызвало ни у кого подозрений.

В полном молчании Гу Цзыси добрался до своей спальни.

С облегчением выдохнув, он принял душ, скинул одежду и с комфортом растянулся на постели, открыв на ноутбуке веб-страницы.

Линшу, устрой так, чтобы весь интернет лег, а на экранах высветилась фраза: Цзи Вэнь — воровка. — Гу Цзыси небрежно просматривал вечерние новости шоу-бизнеса, в топе которых красовался заголовок: Почему новоиспеченная богиня Цзи Вэнь разрыдалась на публике в отеле? Таинственный незнакомец сыграл мелодию и скрылся — подозревают бывшего парня Цзи Вэнь.

Спустя минуту у всех пользователей сети, чьи устройства были включены, экраны почернели, и на них вспыхнула ярко-красная надпись: Цзи Вэнь — воровка. Появившись на мгновение, компьютеры вернулись к нормальной работе, словно ничего и не было, однако это произвело эффект разорвавшейся бомбы.

В сети тут же поползли слухи: одни гадали, что это мстит человек, у которого Цзи Вэнь украла композицию; другие предполагали, что популярные актрисы, завидующие ее успеху, решили воспользоваться моментом и очернить ее; третьи же склонялись к тому, что за этим стоит сам Байлу Вэйшуан. Поднялся невероятный шумиха, и Цзи Вэнь взлетела на самую первую строчку поисковых трендов. Цель Гу Цзыси была достигнута.

Он намеревался сломить Цзи Вэнь психологически, лишить ее всякого покоя!

Он сотрет эту змею в человеческом облики в порошок, шаг за шагом —

Утренний рассвет осветил четырехметровый обеденный стол Клана Цяо. Гу Цзыси провозился с собой и опоздал к завтраку: в конце концов, мужчине оказалось невыносимо трудно освоить столько женских штучек — только на то, чтобы застегнуть бюстгальтер и прикрепить накладную грудь, ушло добрых десять минут. Затем предстояло надеть парик и натянуть плиссированную юбку, в которой подозрительно продувало колени — ощущения были ниже среднего.

Едва он появился, как Цяо Сюй, сидевший во главе стола и беседовавший с отцом, поднял голову и озадаченно посмотрел на него.

Гу Цзыси и без того чувствовал себя не в своей тарелке, а под пристальным взглядом этого красавца-молодого господина — тем более, но, будучи Гу Цзыси, он сохранял внешнее спокойствие и невозмутимость, даже когда на душе скребли кошки. Бесшумно подойдя к столу, он проговорил фальцетом: Доброе утро, молодой господин, доброе утро, отец, доброе утро, госпожа.

Цяо Сюй кивнул в знак того, что слышал, поправил очки в золотой оправе и по-прежнему выглядел на редкость благожелательно.

Гу Цзыси ловко отодвинул стул и сел, а Линшу продолжало командовать сбоку: Можно было отодвигать плавнее!

Гу Цзыси мысленно огрызнулся: Откуда мне знать, как женщины отодвигают стулья?!

Мягкая няшная девочка, понимаешь? Наша героиня придерживается образа замкнутой неженки.

Цяо Сюй с легким прищуром глядел на непроницаемое лицо Лу Шуан, а в следующую секунду, слегка опустив взгляд, загадочно провел пальцем по собственным губам.

Даже в женском платье от Гу Цзыси исходило все то же неукротимое ауристичное хладнокровие. Прежняя хозяйка тела говорила мало — он тоже молчал. Однако та была просто забитой и дикой, тогда как в глазах Цяо Сюя нынешняя Лу Шуан выглядела откровенно холодной и неприступной.

Клан Цяо являлся влиятельным кланом мафиозного толка, чьему богатству и власти практически не было равных. Родная мать Цяо Сюя умерла рано, а мачеха, Чэнь Си, происходила из такого же криминального клана. Лицо этой женщины казалось суровым и злоеющим — с самого прихода в дом Гу Цзыси ни разу не видел, чтобы она улыбалась, да и с Цяо Сюем она, казалось, вообще не разговаривала.

Усевшись за стол, Гу Цзыси молча уставился в свою тарелку. Сидевший рядом Цяо Аньли произнес: Лу Шуан, сегодня вечером состоится бал, поезжай туда вместе с Цяо Сюем.

На самом деле сегодняшний приём представлял собой закрытый смотр невест для знатных семей. Многие девицы мечтали зацепиться за влиятельный Клан Цяо и выбиться в высший свет.

Но раз уж сам молодой господин не горел желанием связывать себя узами брака, Цяо Сюю оставалось взять с собой фиктивную невесту в качестве живого щита.

Гу Цзыси замер на секунду, после чего покорно кивнул: Хорошо.

Подняв взгляд, он встретился глазами с Цяо Сюем, который выглядел так, будто еще толком не проснулся. И почему-то в его взгляде Гу Цзыси уловил едва заметную усмешку.

Стоило Цяо Сюю в свое время уехать за границу, как Цяо Аньли тут же подыскал ему невесту. Вернувшись на родину, Цяо Сюй бросил на спутницу оценивающий боковой взгляд, затем отложил столовые приборы, промокнул губы салфеткой и мягко произнес: Ну что ж, Шуан-Шуан, возвращайся сегодня пораньше, чтобы подготовиться, я заеду за тобой на машине.

Хорошо, — ответил Гу Цзыси.

Этот завтрак высосал из Гу Цзыси все эмоциональные силы.

Лишь переступив порог особняка Клана Цяо и добравшись до консерватории, он почувствовал некоторое облегчение.

Нахмурившись, Гу Цзыси открыл телефон, чтобы просмотреть утренние развлекательные сводки. Предсказуемо, в топе новостей по-прежнему красовались скандал с плагиатом Цзи Вэнь и слухи о ее преследовании; в комментариях бушевали разъяренные фанаты Цзи Вэнь, поливающие всех грязью, и те, кто давно питал к ней неприязнь, злорадствуя по этому поводу.

Что до исполнителя, то кто-то успел выложить смазанную фотографию, нахваливая его безупречную фортепианную технику, но лица таинственного музыканта разглядеть так никому и не удалось.

Впрочем, что бы они ни болтали, это не имело никакого значения — Гу Цзыси был нужен лишь медийный резонанс, и это был только первый шаг его грандиозного плана.

У студентов-искусствоведов пар было немного, а Цзи Вэнь после обретения популярности с головой ушла в пиар и светскую жизнь, почти не появляясь в стенах академии. Присутствие же самой Лу Шуан всегда было незаметным, и на нее мало кто обращал внимание. Заняв дальний уголок в лекционной аудитории, Гу Цзыси просидел всю пару за чтением поэтического сборника, а по окончании занятий вернулся в свое общежитие при академии.

Это была одна из лучших музыкальных академий страны, где каждый студент жил в отдельной комнате. Помещение Лу Шуан обладало прекрасной звукоизоляцией и больше напоминало мини-студию: здесь было абсолютно все необходимое — от профессионального звукозаписывающего оборудования до рояля и пюпитров. Прежде всего он зарегистрировал аккаунт на известном музыкальном социальном портале под ником Байлу Вэйшуан, после чего залил туда только что записанную композицию Девять часов девятнадцать минут.

Профиль Байлу Вэйшуана украшала всего одна строчка: Девять плюс один равно десяти, десять минус девять равно нулю. Среди каждых десяти написанных Лу Шуан композиций обязательно находилась одна чисто классическая инструментальная работа. Однако Цзи Вэнь, будучи независимым музыкантом, имел обыкновение десятую песню исключать.

В этот момент имя Цзи Вэня было у всех на слуху, и число людей, искавших легендарную песню Девять часов девятнадцать минут, стремительно росло. На столь крупном музыкальном сайте работа, только что загруженная Гу Цзыси, мгновенно привлекла всеобщее внимание. Менее чем за полчаса количество просмотров этого трека перевалило за десяток тысяч. Пространство пользователя Байлу Вэйшуан вмиг оказалось перегружено, а люди наперебой

принялись оставлять там комментарии.

Хибария: Мелодия потрясающая, просто божественный трек! Интересно, почему Цзи Вэнь тогда сорвался? Не мог бы великий автор это объяснить?

Санци Ляньцяопи: Вы и есть автор? И правда отличная песня, может, мастер расскажет, что там с Цзи Вэнем?

Чуньфэн Муй: С профессиональной точки зрения эта композиция написана абсолютно безупречно. Если сопоставить это с событиями прошлой ночи, неужели Цзи Вэнь украл песню у уважаемого Байлу Вэйшуан? Почитал информацию в профиле, не всё до конца понятно, но у Цзи Вэня в альбоме ровно девять треков — есть ли тут какая-то связь?

.....

Именно такого эффекта и добивался Гу Цзыси.

Гу Цзыси выпил чашку кофе, немного передохнул и тут же принялся за творчество, используя колоссальные музыкальные способности прежнего владельца тела. С помощью Линшу он довел свой музыкальный талант до совершенства, а затем развил бешеную скорость создания треков. Всего за один день он сочинил десять песен.

Каждая из этих десяти композиций была поистине несравненной и изысканной. Зажав в зубах кончик пера, Гу Цзыси медленно выводил слова песни: Шут отобрал у тебя перо / Но ничего страшного / Время покажет всему миру / Кто же здесь настоящий шут. Его почерк всегда был прекрасен — легкий, изящный и подвижный, такой, какой Лянь Цзинчжи никак не мог скопировать. Кончик пера Гу Цзыси двигался уверенно и размашисто, строки ложились буйным и свободным узором, и в то же время в них чувствовалась основательность, позволяющая вдумчиво всматриваться в каждую букву.

Гу Цзыси отложил перо и потянулся. Из-за долгой концентрации у него немного закружилась голова. Заметив, что он закончил работу, Линшу восстановил остальные показатели его организма до пиковых значений и произнес: Господин Си, вы со вчерашнего дня ничего не ели, в ящике есть шоколад, перекусите пока. Время не ждет, нам пора возвращаться и готовиться.

Гу Цзыси не сразу сообразил, о чем речь: по его впечатлениям, чтобы отправиться на светский прием, достаточно было переодеться в костюм. Раньше на божественных банжетах в Мире Главного бога всё было куда сложнее: каждый небожитель должен был облачаться в роскошные парадные одежды, входить в зал, отвешивать Главному богу три поклона, занимать свое место, запечатывать божественную печать, а сам ужин напоминал настоящую битву.

— Чего ты застыл? Тебе же нужно надеть платье, обуть каблуки, сделать макияж и прическу, — со вздохом произнес Линшу. — Возвращайся скорее и готовься.

Когда Гу Цзыси вернулся в комнату, на его кровати лежало нежно-голубое объемное платье с лепестками, до невероятного сказочное. Там же стояла коробочка с украшениями, а неподалеку аккуратно расположились белые туфли на шпильке. Гу Цзыси с ледяным выражением лица уставился на эти невероятно тонкие и высокие каблуки, чувствуя себя в душе полнейшим новичком в подобных делах.

Его пальцы коснулись легкого, словно невесомая дымка, платья феи — к счастью, открытых участков было не так много. Долго и мучительно сражаясь с одеждой, Гу Цзыси наконец натянул платье на себя.

Он сел перед туалетным столиком, тяжело вздохнул и спросил Линшу: — Ты умеешь краситься?

Линшу с сочувствием ответил: — Конечно нет, я же система, у меня даже лица нет, какой уж тут макияж.

Гу Цзыси вытащил косметичку, с унынием оглядел стоявшие там баночки и склянки и скомандовал: — Тогда быстро поищи в интернете, как это делается.

Спустя минуту Гу Цзыси уже следовал инструкциям из tutorиала, который нашел Линшу, накладывая на лицо косметику и дрожащими пальцами подводя стрелки у самых корней ресниц. Впрочем, руководство попало толковое, способность Гу Цзыси к обучению оказалась на высоте, да и косметика Лу Шуан была сплошь премиальной — результат получился превосходным: свежо, утонченно, кожа выглядела чистой и нежной.

— В материалах пишут... в этом году популярен... солнечный цвет?

Гу Цзыси захлопал большими глазами, пытаясь разглядеть, чем именно отличаются оттенки нескольких помад, но так и не понял, какая из них считается солнечной, и в конце концов наугад мазнул по губам первой попавшейся. Наклонив голову, он критически оглядел себя в зеркало, расчесал щеткой парик — из-за высокой стоимости выглядевший совершенно как настоящий, — а затем надел серьги и ожерелье, принесенные управляющим.

Линшу хихикал с умилением извращенца: — А ведь и правда очень мило получилось.

Самого Гу Цзыси чужой женский образ ничуть не прельщал: он просто присел на корточки и уставился на белые туфли на высоком каблуке, словно перед ним лежало опасное оружие. Наконец он водрузил ноги в этих изящных белых туфельках с шелковыми бантами и, покачиваясь, поднялся перед зеркалом.

Отражение являло миру юношу, похожего на юную девушку: нежное, прекрасное лицо, а сказочное платье подчеркивало стройную фигуру. У него были изящные ключицы, тонкая талия, выглядывающий из-под подола кусочек щиколотки казался миниатюрным и красивым, а водопад длинных волос ниспадал на плечи прямо до лопаток. Осанка грациозная, манеры

запугивающие.

Гу Цзыси попытался сделать пару шагов, после чего с молниеносной быстротой рухнул на пол.

Линшу опешил: — ...Ты как в порядке? Гу Цзыси сжав зубы и с видом мученика, идущего на смерть, произнес: Я еще потренируюсь.

К тому моменту, когда Цяо Сюй приехал за Гу Цзыси, тот уже намотал немало кругов по комнате. Он постепенно привык к этим туфлям и научился держать равновесие. Цяо Сюй постучал в дверь, и Гу Цзыси, приподняв подол платья, окликнул его от окна: Войдите!

Дверь со щелчком отворилась, и Цяо Сюй произнес: Пойдем.

В тот самый миг, когда он увидел Гу Цзыси, он замер.

В полумгле комнаты, освещенной лишь остатками закатного солнца, на него бесстрастно смотрела женщина в длинном платье в пол. Лу Шуан была очень красива, а на кончике ее носа красовалась крошечная родинка. Из-за того, что родная мать умерла рано, а мачеха предъявляла к нему суровые требования, Цяо Сюй всегда был равнодушен к женщинам. Но в эту самую минуту он вдруг начал любоваться Лу Шуаном, прекрасным, словно божество.

Гу Цзыси холодно бросил: Хорошо.

Его движения в туфлях на высоком каблуке все еще казались несколько неуклюжими. Цяо Сюй завороченно смотрел на Лу Шуана, думая про себя, что его невеста довольно необычна.

Ходили слухи, что Лу Шуан — женщина крайне робкая, покорная и безропотная, но почему же человек, которого он видел перед собой, обладал столь уникальным, поистине королевским темпераментом?

Когда он подошел к Цяо Сюю, Гу Цзыси сделал неверный шаг и слегка качнулся. Цяо Сюй тут же подхватил его за тонкое запястье и мягко спросил: Ты в порядке?

Гу Цзыси оттолкнул его практически мгновенно и спокойно ответил: Все хорошо.

Интересно, этот человек вообще интересуется женщинами? Гу Цзыси был полон сомнений, а Линшу тем временем поучал его сбоку: Не надо так отталкивать его, споткнись обычный человек, любой отзывчивый прохожий тоже протянул бы руку помощи.

И впрямь, в конце концов, Лу Шуана выбрали в качестве прикрытия для гомосексуального брака уже после того, как Цяо Сюй уехал за границу, да и сам Цяо Сюй об этом ничего не знал.

На таком близком расстоянии Гу Цзыси уловил легкий запах мужского парфюма, исходивший от Цяо Сюя. Тот вовсе не рассердился и зашагал рядом с Гу Цзыси. Водитель подвел Майбах к главным воротам клана Цяо, и Цяо Сюй заботливо распахнул перед Гу Цзыси дверцу машины. Гу Цзыси всю дорогу опускал голову и вовсе не смотрел на Цяо Сюя, сразу же забравшись внутрь.

Цяо Сюй через автомобильное стекло посмотрел на профиль Лу Шуана. Ему смутно казалось, что эта женщина за те несколько дней, что он провел вдали от дома, неуловимо изменилась, однако он никак не мог понять, в чем именно кроется эта разница. Быть может... она просто притворялась тихой овечкой все эти дни?

В этот момент закапал весенний дождь, и водитель раскрыл над головой Цяо Сюя черный зонт со словами: Старший молодой господин, садитесь скорее в машину.

Капли дождя забарабанили по черному зонту. Цяо Сюй невозмутимо забрался в салон и принялся протирать салфеткой для очков дождевые капли на своих золотистых оправах. Машина плавно тронулась с места, и тут в кармане его брюк зазвонил телефон.

Алло.

Собеседник что-то ответил, и в зеркале заднего вида Гу Цзыси заметил, как брови Цяо Сюя чуть заметно дрогнули в гримасе.

Хорошо, я понял.

Интуиция подсказывала Гу Цзыси, что Цяо Сюй вовсе не был таким мягким, как утверждали слухи, и далеко не так сторонился мирской суеты, как пытался показать. Ходили слухи, будто Цяо Аньли позволял ему заведовать лишь легальным бизнесом. Но ведь он все-таки наследник этого клана, и Гу Цзыси не верил, что тот совсем не связан с теневыми делами. Были и другие слухи — о том, что он никогда в жизни не брал в руки оружие, что со всеми проблемами всегда разбирались телохранители, и что он всего лишь изнеженный аристократ, совершенно не умеющий драться.

Хотя мачеха Цяо Сюя не имела собственных детей, за ее спиной стоял могущественный род, а его дядя и племянники только и ждали удобного момента, чтобы захватить его место. За счет чего же такой человек мог одержать победу в этой игре?

Помимо преимущества по крови, чтобы дожить до сегодняшнего дня, у него определенно должен был быть талант.

Осторожно. Цяо Сюй раскрыл черный зонт, укрывая выходящего из машины Гу Цзыси. Гу Цзыси как раз старательно пытался поймать равновесие, чтобы не опозориться, и тогда Цяо Сюй взял его под руку.

Гу Цзыси не стал отказываться.

Оказавшись на людях, Гу Цзыси проявил куда большую готовность подыгрывать роли невесты. В конце концов, разве клан Цяо столько лет кормил, поил и учил Лу Шуана не ради того, чтобы в нужный момент воспользоваться им на подобных мероприятиях?

Безупречная красота Цяо Сюя была вне всяких сомнений, и рядом с Гу Цзыси они смотрелись прекрасной парой. Едва ступив в отель, Гу Цзыси ощутил на себе множество жгучих взглядов — в одних читалась зависть, в других — восхищение. Цяо Сюй лишь крепче сжал его руку, ведя за собой сквозь толпу и вежливо кидая приветствия налево и направо.

Лу Шуан, как только представится подходящая возможность, я вырву тебя из клетки нашего дома.

Цяо Сюй впервые заговорил с Лу Шуаном с глазу на глаз. Эти слова он хотел сказать этой девушке с самого начала.

Услышав это, Гу Цзыси проникся чувством за Лу Шуана и произнес: Спасибо, старший молодой господин.

После этого он подвел Гу Цзыси к мужчине лет пятидесяти-шестидесяти и сказал: Дядя, отец сегодня из-за дел не смог приехать лично, поэтому он поручил мне привести Сяо Шуана, чтобы поздравить вас с днем рождения.

<http://bllate.org/book/22146/2307257>